

Содержание

Предисловие

(А.Н. Карнеев, А.А. Сизова, И.А. Царегородцева) 7

Особенности транслитерации 21

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Удаление от скверны: традиционные практики
духовного дистанцирования в Японии (Е.С. Штейнер) 25

Оспа, холера и сифилис: меры по борьбе с эпидемиями
в позднем Чосоне (1392–1897 гг.) (Н.А. Чеснокова) 52

«Запретные земли» Внутренней Азии:
от малых лимитрофов к санитарным кордонам
(А.В. Михалев) 80

Социальное дистанцирование в традиционном и современном
японском обществе: лингвистическое измерение
(У.П. Стрижак) 98

Хикикомори — затворники эпохи глобализации
(А.А. Долин) 118

Современные вызовы для неформальных отношений
(*гуаньси*) в Китае: трансформация социальных функций
в условиях пандемии (Л.С. Веселова) 145

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Отражение идей аскезы в раннесредневековой
индийской скульптуре (Д.Н. Воробьева) 165

Может ли аюрведа говорить? Участие традиционной
медицины в борьбе с COVID-19 в Индии
(Г.Б. Копелиович) 194

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Одиночество в сирийской традиции:
странничество и мироотречение (А.В. Муравьев) 217

Благочестивое уединение как практика раннемусульманских аскетов и суфиев (М.А. Алонцев)	232
Гигиена в средневековых тюркских обществах (Т.А. Аникеева)	251
Арабоязычные авторы раннего Средневековья о борьбе с эпидемиями (А.В. Зелтынь, Л.А. Зелтынь)	270
«И навлекли на себя гнев Всевышнего...»: болезни и «черная смерть» в государстве мамлюков (1250–1517 гг.) (М.Ю. Илюшина)	287
Сохранить жизнь или спасти душу? Ответ мусульманского права на коронавирусные реалии (И.А. Царегородцева, В.А. Цех)	310
АФРИКА	
Взаимодействие государственных и традиционных институтов в странах Африки в поиске моделей реагирования на пандемию (А.А. Маслов, П.А. Слюсарчук, К.М. Бакашева)	331
Заключение	
(И.А. Царегородцева)	370
Об авторах.	374

Предисловие

Вниманию читателя представляется коллективная монография, которая стала продолжением научного проекта «Социальное дистанцирование и самоизоляция на Востоке: традиции и современность», начатого в 2020 г. Проект нацелен на то, чтобы выяснить, какова в государствах и обществах Востока роль традиционных структур в урегулировании современных кризисов, связанных с распространением коронавирусной инфекции. По мере углубления в исследовательскую проблему участники проекта поставили перед собой более широкие задачи. Авторский коллектив был расширен почти вдвое по сравнению с проектом, а цель монографии — не только выяснить, как традиционные культуры и институты Востока реагируют на вызовы, спровоцированные COVID-19, но и раскрыть опыт прошлого восточных государств и обществ в тех сферах, которые сегодня составляют характерные черты «коронавирусной» эпохи. Речь идет прежде всего о борьбе с распространением заразных болезней, санитарно-гигиенических мерах, а также о добровольном или вынужденном ограничении социальных контактов, получившем сегодня название «социального дистанцирования».

Страны Востока, с их длительным и неравномерным переходом от традиционных обществ к обществам современным, представляют разные модели реагирования на изменения в мире. В этих условиях важно понять, какое место практики социального дистанцирования и самоизоляции (включая аскетизм, отшельничество и разного рода этикетные нормы поведения в публичных местах), а также соблюдение гигиены и норм санитарии играли в традиционных культурах разных стран Востока. Настоящая монография — это в том числе попытка взглянуть на текущее положение вещей как бы со стороны, из исторической перспективы. Авторам интересно было не только рассмотреть, как и почему страны Востока реагировали на кризис, но и понять, есть ли у этих реакций ясные предпосылки в истории и традиционных культурах этих стран. Монография, не претендуя на всесторонний анализ явлений, связанных с социальными дистан-

циями и эпидемиями, призвана осветить ряд подобных вопросов. Авторский коллектив исходил из предположения, что специфика современных моделей борьбы с «корона-кризисом» и реакций на него складывалась в том числе благодаря влиянию элементов традиционных культур Востока.

Восток, с одной стороны, представляется авторам монографии, в самом широком смысле, как историко-культурное пространство, которое в течение долгого времени развивалось особым по сравнению с западными сообществами путем (хотя и с характерными для Запада элементами хозяйственно-экономической и политической жизни); поэтому Восток исторический в настоящей монографии лишен четких географических границ. Вместе с тем, говоря о Востоке современном и особенно о реагировании восточных государств на коронавирусную эпидемию, невозможно игнорировать и текущие политико-государственные границы.

Эти соображения нашли отражение в структуре монографии, построенной на выделении четырех больших регионов — Восточной Азии, Южной Азии, Ближнего Востока и Африки. Эти регионы обладают выраженной цивилизационно-культурной спецификой и, как правило, внутренними устойчивыми хозяйственно-экономическими отношениями и логистической системой. При этом авторы настоящей монографии отдают себе отчет в том, что в ряде случаев провести четкие границы между данными регионами довольно сложно. Так, например, элементы буддийской культуры могут быть найдены в странах как Восточной, так и Центральной Азии, общества и культуры Южной и Юго-Восточной Азии несут на себе также отпечаток монотеистических религий, а понятие «Ближний Восток» сегодня может включать в себя северную часть Африканского континента (см. об этом подробнее ниже).

Отметим ряд методологических особенностей этой монографии.

Комплексность. Это первое в отечественной историографии комплексное коллективное исследование, посвященное вопросам эпидемий и практик борьбы с ними в азиатских и африканских обществах, социального и духовного дистанцирования, уединения, мироотречения, аскезы, восприятия данных явлений в социумах и культурах Востока, их социальных, политических аспектов, отражения в языке

и культуре. Данный труд приобретает особую актуальность в контексте переживаемой современным миром беспрецедентной глобальной эпидемии, опыт которой предстоит подробно изучить и осознать.

Полирегиональность. Коллектив авторов осуществляет анализ опыта, связанного с социальным дистанцированием, практиками борьбы с эпидемиями и их репрезентацией в целом ряде регионов Востока — от Африки до Восточной Азии.

Широкие хронологические рамки. Исследования охватывают сюжеты в широком временном спектре — от древности и раннего Средневековья до самого актуального периода, точкой отчета которому послужила пандемия нового коронавируса COVID-19.

Мульти- и междисциплинарность. В монографии представлен объемный взгляд на проблему социальной дистанции и изоляции, борьбы с массовыми заболеваниями на Востоке с позиций различных социальных и гуманитарных наук — истории, философии, культурологии, искусствоведения, филологии, лингвистики, политологии, социальной антропологии. Будучи представителями разных областей знания и научных школ, авторы обращаются к малоизученным аспектам общественной, культурной, политической, хозяйственной жизни восточных обществ, проводя параллели с репрезентацией тех или иных феноменов в различные эпохи и, таким образом, создавая многоплановую картину, позволяющую обобщить опыт целого ряда стран и народов Востока применительно к изучаемым явлениям. Многие главы отражают результаты исследований, выполненных в поле соприкосновения нескольких наук, что придает коллективной монографии междисциплинарный характер.

Методический потенциал. Материалы книги могут быть использованы в образовательном процессе при обучении студентов, чья будущие профессии связаны со странами Востока и их исследованием. Не менее интересной работа может оказаться для подготовки специалистов в сфере медицины, санитарии, безопасности, экономики, культурологии, различных направлений межкультурной коммуникации, международных отношений и целом ряде других областей, для изучения опыта преодоления кризисных ситуаций и сохранения устойчивости обществ, многие из которых имеют многовековую и

даже многотысячелетнюю историю, и компаративного анализа практик различных стран.

Со времени начала пандемии COVID-19 научный мир прилагает напряженные усилия не только для борьбы с данным заболеванием, но и для изучения изменений, которые привнесла эпидемия в жизнь современного человека, а также механизмов управления социумом и новыми рисками, инструментов кризисного менеджмента, сотрудничества, коммуникации перед лицом нестандартных вызовов. Не менее важной является и работа по осмыслению исторического опыта преодоления кризисных ситуаций в культурном, социальном, политическом, хозяйственном измерениях, концептуализация подходов с учетом традиций, ценностей, интересов отдельных обществ. В этом контексте чрезвычайно важно изучение соответствующего опыта социумов Азии и Африки с их культурным, духовным, социальным разнообразием, самобытными путями модернизации и подходами к сочетанию традиционного и современного. В предлагаемой книге предпринята попытка рассмотреть вышеуказанные вопросы на примере целой палитры увлекательных и зачастую малоизученных сюжетов из жизни стран и народов Востока, которая, как надеются ее авторы и редакторы, внесет вклад в развитие данного актуального научного направления.

Внутри каждого из разделов читатель найдет от одной до нескольких «историй», отражающих исторический или современный опыт реагирования восточных культур и обществ на те явления, которые, с одной стороны, сегодня прочно ассоциируются с коронавирусом, а с другой — традиционны для Востока. Разделы организованы по хронологическому принципу — от более древних «историй» к современным, чтобы читателю было удобнее ориентироваться в материале.

Монографию открывает раздел, посвященный обществам Восточной Азии — страны этого региона, как известно, были затронуты коронавирусом одними из первых. В главе, посвященной Японии, **Е.С. Штейнер** исследует разнообразные практики реагирования как элитарной, так и народной культуры Японии разных эпох на социальные катастрофы: и эпидемии различных контагиозных болезней, и смуты и междоусобные войны, которым сопутствова-

ло распространение морального релятивизма, жестокости и прочих проявлений социальной деструкции. В Японии с ранних эпох возник весьма разработанный ритуал (ритуалы) магических действий в отношении заболеваний и их имперсонаторов — разного рода персонажей в пантеоне демонов эпидемических заболеваний, фактически дошедший в своих основных чертах до современности. Различные ритуалы и практические действия сохранились и в наше время, их можно увидеть, например, в таких повсеместно присутствующих в японской повседневности практиках и обычаях как, например, теми-дзуя — прихрамовые сооружения для омовения рук и рта, или онсэн — горячие источники под открытым небом, и т.д. От социальных катаклизмов можно было спастись путем тех или иных способов отшельничества, частично реального, а частично виртуального — в игровом формате пострижения в монахи или духовного копирования отшельничества благородных мужей прошлых эпох. В главе приведен анализ широкого спектра ритуальных практик, а также народных поверий, нашедших применение в том числе и в ситуации COVID-19, связанных с буддийскими, синтоистскими и прочими традиционными верованиями.

Разного рода народные обряды, связанные с попытками «задобрить» духов различных эпидемических болезней, были характерны и для ближайшего соседа Японии — Кореи. В главе, посвященной Корее периода Чосон (1392–1897), **Н.А. Чеснокова** дает целую панораму общественных реакций на различные заболевания и эпидемии в это важнейшее для истории корейской государственности время: в виде как народных поверий и стереотипов, так и развития официальной и народной традиционной медицины, первоначально находившейся под сильным влиянием шаманизма, буддизма, даосизма и особенно неоконфуцианства, а также китайских медицинских принципов и приемов. Начиная с XVI в. в Корею стали проникать сведения о западной медицине, а также новые заболевания, и со временем появились свои собственные методики борьбы с оспой, корью, холерой, сифилисом и другими заразными болезнями. Практика массовых вакцинаций появилась в Корее относительно поздно — когда после «открытия» Кореи получили преимущественное развитие методы западной медицины. Появление гигиенических, санитарных и

карантинных мер — все это следствие усиливавшейся европеизации верхних эшелонов корейского социума в конце периода Чосон. В современной Республике Корея, несмотря на развитую индустрию современной медицины, традиционная корейская медицина по-прежнему сохраняет свою роль и место в общей системе здравоохранительных мер и практик.

Китайские сюжеты затронуты в двух главах настоящей монографии. В главе **А.В. Михалева** подробно разбирается маньчжурская эпидемия бубонной чумы начала XX в. Эпидемия, начавшаяся в 1910 г. в районе станции Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) «Маньчжурия», затем распространилась на весь северо-восток империи Цин. Эпидемия рассматривается на фоне грандиозных перемен в существовании огромных пространств региона Внутренней Азии (Inner Asia) и активной политики Цинских властей в последние десятилетия их правления по колонизации китайцами этих территорий (до середины XIX в. власти препятствовали проникновению ханьских переселенцев на заповедную территорию их изначальной «малой родины»). Показано давление иностранных держав (России, Японии и Франции) на власти Китая в плане побуждения последних к принятию эффективных мер против распространения эпидемии за пределы Маньчжурии, деятельность китайских врачей. При этом открытое вмешательство иностранных держав, использовавших силовые инструменты для создания санитарных кордонов и других карантинных мер, нанесло очередной ощутимый удар по престижу Цинской династии, и так уже близившейся к своему краху.

В главе **Л.С. Веселовой** исследуется такой социальный институт, как *гуаньси* (дословно — «отношения», «взаимоотношения людей»), и то, как переживаемая человечеством эпидемия коронавируса трансформирует некоторые социальные привычки и стереотипы миллионов китайских граждан на фоне стремительного расширения использования ими цифровых инструментов. Даже после того, как власти КНР весной 2020 г. первыми из всех других правительств смогли взять под контроль эпидемию COVID-19, сотни миллионов граждан КНР продолжают соблюдать карантинные меры, а использование интернета в выполнении служебных обязанностей, в общении людей, при совершении покупок товаров повседневного спроса

в значительной степени превышает «доковидный» уровень. В этих условиях ускоряется процесс трансформации содержания традиционного формата неформальных взаимоотношений, таких как гуаньси. По мере того как значительная часть их функционала переключается на соцсети, мессенджеры, форумы и другие электронные способы коммуникации, появляются так называемые быстрые гуаньси. Сегодня к функционированию гуаньси подключаются даже иностранцы. Автор делает вывод, что, несмотря на изменение традиционного формата данного социального института, его значимость отнюдь не уменьшается, а возрастает по сравнению с предшествующим периодом.

Вопрос сохранения и поддержания социальной дистанции, ее сокращения или увеличения может быть прослежен на основе не только изучения социальных практик или институтов, но и эволюции литературного или разговорного языка соответствующей страны. Такого рода анализ предложен в главе **У.П. Стрижак**, которая на материале японского языка, взятого в сравнении с английским и русским, пришла к выводу о том, что в современном японском обществе имеется тенденция к сокращению социальной дистанции в силу упрощения и отказа от свойственных ранее японскому языку сложных форм обращения, формул вежливости, нивелирования языковых и речевых оборотов, ассоциируемых с теми или иными элитными группами, и т.д. Намеченные в этой главе методики анализа, как представляется, могут и дальше применяться в исследованиях по социальным процессам в Японии и в других странах.

В работе **А.А. Долина** разбирается еще один вариант «социального дистанцирования» — уже в условиях современного японского общества — феномен «добровольных затворников» — хикикомори. Так в Японии называют людей молодого возраста, замыкающихся на жизни в собственном доме или квартире и не проявляющих желания устраиваться на работу, посещать учебу и вообще как-то участвовать в жизни общества. Этим людей нельзя считать бездомными, а существуют они, как правило, за счет родителей или близких родственников, не способных отказать в помощи своему чаду. Психологический портрет типичного хикикомори — это недоверие и страх перед внешним миром, нежелание общаться с окружающими, безнадеж-

ность относительно способности реализовать себя в жестоком окружающем мире, уход от контактов с другими людьми, нерешительность и неуверенность в себе. Первоначально казалось, что данный феномен — чисто японское явление, зафиксированное социологами и психологами еще в 1970-е годы, но потом оказалось, что он проявил себя и в ряде других стран Восточной Азии и даже в Европе. Заканчивает автор свой анализ довольно мрачным прогнозом предстоящего в будущем быстрого усугубления этой проблемы по мере того, как глобализация ввергает в кризис традиционные системы ценностей, веками державшиеся на групповых, корпоративных структурах. Усилившая тенденцию к самоизоляции пандемия коронавируса лишь делает эту перспективу еще более тревожной.

Раздел «Южная Азия» открывает глава, написанная **Д.Н. Воробьевой** и посвященная тому, как в разных религиозно-философских традициях, бытовавших в средневековой Индии — буддизме, джайнизме, индуизме — отражались идеи уединения и аскезы. На Западе сегодня весьма популярны многие практики, целиком или в какой-то своей части нацеленные на тренировку аскезы и других видов самоограничений — йога, медитация, випассаны. В массовом сознании Индия, родина буддизма, которую он в итоге практически полностью покинул (как раз по окончании рассматриваемого в данной главе периода), до сих пор нередко ассоциируется с образами Будды, сосредоточенного на своем внутреннем мире и отрешенного от мира внешнего. Автор справедливо отмечает, что «каждый исследователь, работающий (или работавший) в поле индийской культуры, не избежал рассуждений об аскетизме». Аскетические подвиги приписываются многим значимым в индийских культурах фигурам, начиная от Будды и Шивы и заканчивая мифологическими женщинами-аскетами, в частности, супругой Шивы Парвати; это не могло не найти отражение в скульптурных изображениях этих героев. Автор этой главы последовательно отслеживает основные символы и атрибуты индийской скульптуры, по которым мы можем определить типичный образ средневекового аскета, попутно обращая внимание и на канонические различия в раннесредневековых религиозных традициях Индии. Идеалы аскезы, выраженные в сложившейся в то время

индийской иконографии, служат духовным увещанием для почитателей индийских религий и сегодня.

Всемирную известность индийской культуре принесла и еще одна традиционная система — аюрведа, уходящая своими корнями в глубокое прошлое. Сегодня аюрведа представлена в нескольких вариантах: в форме институционализованной традиционной медицинской системы, официально признанной в Индии; в форме народной индийской медицины, а также в глобализированной форме, которая в основном известна на Западе (современные антропологи называют ее также аюрйогой). Глава, написанная **Г.Б. Копелиович**, посвящена исследованию того, насколько эффективны оказались две первые формы аюрведы в период эпидемии коронавируса. Особое внимание автор уделила истории развития традиционной индийской медицины в период британского колониализма, полагая, что именно тогда были заложены принципы отношения к аюрведе в современной Индии, которые сложно назвать исключительно благожелательными. Как отмечает автор, специалисты по аюрведе предлагали свои оригинальные методы борьбы с новейшим недугом коронавируса, хотя их эффективность пока сложно оценить, и это кардинально не отразилось на общем отношении к аюрведе в Индии — традиционная медицина, как констатирует автор главы, здесь по-прежнему уступает позиции западной.

Индия является своеобразным мостом между Восточной Азией и тем, что называется «Средним Востоком», «Центральной Азией» или «Ближним Востоком».

Раздел «Ближний Восток» посвящен культурам, которые, в отличие от двух других регионов Востока, сложно соотносить исключительно с Азией. Мы решили дать этому региону в настоящей монографии именно такое название, а не, скажем, «Ближний Восток и Северная Африка» (понятие, широко набирающее популярность сегодня, в частности, в англо- и русскоязычной историографии), чтобы, с одной стороны, указать на преемственность и тесную связь ключевых этноязыковых традиций этого региона — семитской, иранской и тюркской, а с другой — чтобы оставить возможность рассмотреть ключевые тенденции борьбы с коронавирусом на африканском континенте

в отдельном разделе. Арабский мир, таким образом, объединяет в данной монографии два раздела — «Ближний Восток» и «Африка».

Раздел «Ближний Восток» открывает глава, подготовленная **А.В. Муравьевым** и посвященная осмыслению феномена странничества и мироотречения в средневековых сирийских обществах, которые исторически и культурно распались на две большие традиции, сохранявшие, впрочем, прочные связи даже под властью ислама — восточно-сирийскую и западно-сирийскую. Автор показывает, как традиции, сложившиеся в двух разных, но связанных между собой регионах проживания этой группы семитского населения Ближнего Востока, обрели региональные особенности и повлияли на последующие традиции, в том числе и на ислам. Западно-сирийская христианская традиция предложила особый тип отшельничества и странничества, который автор называет «реализацией свободы ближневосточного жителя поздней античности» и который в немалой степени повлиял на отношение к аскетизму в византийской традиции. В отличие от аскета в Западной Сирии, который, духовно «уходя от мира сего», возвращался к нему преображенным для проповеди, аскет с востока Большой Сирии чаще предпочитал полный физический разрыв с обществом, чтобы заниматься интеллектуальной деятельностью и упражняться в обуздании своих страстей. В каком-то отношении это сближает восточную сирийскую традицию с южноазиатскими религиозно-философскими традициями, а западную — с исламским суфизмом.

Первым мусульманским аскетам были свойственны те же духовные искания, что и их современникам, принадлежавшим к соседним духовным и культурным традициям. В главе **М.А. Алонцева** прослеживается история появления и изменения аскетических настроений и практик среди первых мусульманских мистиков и суфиев. Автор полагает, что одной из важнейших задач так называемого классического периода развития суфийской литературы X–XIII вв. (в основном персоязычной) была систематизация «суфийской науки», что нашло отражение, в частности, не только в легализации аскетических практик, но и фактически в попытках идеализации образа мусульманских отшельников, возводящих свои аскетические практики к самому пророку Мухаммаду. Вместе с тем, по мнению автора главы, этот образ не лишен противоречий, что, вопреки ожиданиям по-

пуляризаторов «суфийской науки», нередко становилось предметом критики со стороны политических фигур того времени. В конце концов, заключает автор, суфиям все-таки удалось преодолеть это противоречие и выработать такие представления об уединении, которые позволяли бы им исполнять одновременно и духовные упражнения, и мирские обязанности.

Суфизм ассоциировался не только с аскетическими упражнениями, призванными обуздать душу, но и с книжной культурой и развитием мусульманских наук. Одним из центров суфизма на Среднем Востоке было государство под управлением тюркской династии Караханидов (X — начало XIII в.). Проходя через обширные пространства Ближнего Востока, тюрки-кочевники перенимали у местных народов их традиции и обычаи, а оседая на каких-либо территориях, стремились вобрать в себя достижения местных наук и культур. Не случайно, вероятно, именно на территории государства Караханидов появились одни из первых памятников тюркской словесности, в том числе «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгарского. Другой центр развития средневековой тюркской словесности находился у пределов Византийской империи в Малой Азии и Закавказье. События, связанные с военным противостоянием огузских племен и византийской армии, нашли отражение в другом знаменитом памятнике тюркской литературы — «Книге моего деда Коркута». В главе, написанной **Т.А. Аникеевой**, довольно подробно исследуется специфическая (для средневековой тюркской культуры в целом и этих письменных памятников в частности) лексика, связанная с гигиеной. Автор убедительно демонстрирует богатство этого пласта лексики, опровергая в очередной раз существующие до сих пор кое-где представления о «нечистоте» кочевых народов Средневековья. В этой главе мы также узнаем, что у средневековых тюркских народов понятие чистоты имело не только земной (гигиенический), но и возвышенный смысл безгрешной души.

Мотив греха и божественного возмездия за грех в виде болезней прослеживается во многих традиционных культурах. Как пишут в своей главе **А.В. Зелтынь** и **Л.А. Зелтынь**, такой взгляд был характерен, в частности, и для некоторых арабоязычных авторов эпохи Средневековья. Для мусульманской богословско-интеллектуальной

традиции свойственно сочетание детерминизма и рационализма, что нашло отражение и в том, как арабские ученые-энциклопедисты описывали и анализировали трагические дни чумных эпидемий и мора. Если для одних это «кара небесная», уберечь от которой мусульман способно только праведное поведение их самих, и не в последнюю очередь — их правителей (представителей Омейядов, Аббасидов и других мусульманских династий), то других интересовали прежде всего социальные и климатические причины возникновения эпидемий. Как бы то ни было, и те и другие авторы предельно серьезно относились к эпидемиям, оставили о них многочисленные свидетельства и сформулировали советы по их предотвращению, которые в 2020–2021 гг. оказались снова актуальными и востребованными среди некоторых групп мусульман.

В главе, подготовленной **М.Ю. Илюшиной**, мотив божественного возмездия грешникам в виде чумы раскрывается на примере мамлюкских династий, правивших в Египте и Сирии в XIII–XVI вв. Слово *мамлюк* имеет арабские корни и поначалу означало рабов, рекрутировавшихся на мусульманские территории из числа плененных тюркских юношей, а затем и молодых людей соседних с тюрками народов. Мамлюки были хорошими воинами и со временем смогли возвыситься в Египте во время династии Айюбидов. Будучи насильно обращенными в ислам, пленные мальчишки, как правило, вырастали в религиозных ревнителей, стремившихся доказать, что они достойные мусульмане. В частности, в обычаях богобоязненных мамлюкских правителей и военачальников, пораженных недугом, было раздавать свое имущество в надежде снискать прощение Всевышнего и исцеление. На период правления мамлюков пришлось и одна из самых страшных эпидемий в истории человечества — чума, или «черная смерть», XIV в. Как полагает автор, эпидемии чумы стали одним из факторов, которые обусловили раскол между подразделениями мамлюкской армии и постепенное снижение ее боеспособности.

Последняя глава раздела «Ближний Восток» переносит читателя настоящей монографии в современность. Она посвящена одной из самых устойчивых традиционных систем в регионе — мусульманскому праву, а также его реакции на изменения, которые происходили, в частности, в арабо-мусульманском мире с началом эпидемии ко-

ронавируса. Как отмечают авторы этой главы, **И.А. Царегородцева** и **В.А. Цех**, мусульманские ученые в основном были озадачены тем, чтобы найти в традиционном мусульманском праве обоснование тем мерам, которые правительства ближневосточных стран предприняли в 2020–2021 гг., чтобы остановить распространение коронавируса. Речь идет прежде всего о таких мерах, как закрытие мечетей и остановка паломничества в Мекку и Медину. Мусульманские ученые также призывали усилить традиционные механизмы социального регулирования при помощи обязательной для всех мусульман милостыни. Вместе с тем велась мусульманскими правоведами и другая работа; кое-кто сосредоточился на теоретических аспектах и попытался нащупать адекватную современным реалиям методологию мусульманского права. Начиная как минимум с XIX в. мусульманские реформаторы говорят о необходимости приспособить мусульманское право к современным реалиям. Социальный и эпидемиологический кризис, вызванный распространением новой инфекции, стал очередным поводом для дискуссий о реформе системы мусульманского права. Изучив основные идеи в рамках этих дискуссий, авторы пришли к выводу о том, что поиски современной методологии права в арабо-мусульманском мире далеко не окончены.

Раздел «Африка» состоит из главы, которая охватывает большое количество африканских государств, оказавшихся в эпицентре борьбы с современной коронавирусной эпидемией. Авторы главы — **А.А. Маслов**, **П.А. Слюсарчук** и **К.М. Бакашева**, — исследуя довольно обширный фактологический материал, параллельно поднимают важный методологический вопрос о том, какова роль традиционных институтов в современных не-западных обществах, в том числе африканских. Напомним, что этот вопрос, а также то, что считать традиционными институтами в современное время, стал одним из основных мотивов подготовки настоящей монографии. По мнению авторов данной главы, хотя понятие «традиции» остается размытым, при опоре на дихотомию привнесенных и традиционных институтов, заложенную еще колониальной историографией, под традиционными стоит понимать в первую очередь институты управления коренных народов, которые фактически были вытеснены в сферу неформальных отношений, но вместе с тем многие из них сегодня

функционируют в тесном взаимодействии с современными государственными институтами, построенными по образцу колониальных держав. Свой многосторонний анализ событий 2020–2021 гг. в ряде африканских стран, в том числе и мусульманских, авторы завершают выводом о том, что традиционные институты в целом эффективно сработали с точки зрения борьбы со стремительным распространением эпидемии COVID-19, и в этом им помогли как государственная поддержка, так и хорошая осведомленность традиционных лидеров в научной стороне вопроса борьбы с коронавирусом. Авторы приходят к заключению о жизнеспособности традиционных институтов, их высоком потенциале реагирования на кризисные ситуации и существенном вкладе в становление современных африканских государств в целом.

Настоящее издание адресовано востоковедам, историкам, религиоведам, искусствоведам и всем, кто интересуется странами Востока и стремится понять, как в этом регионе взаимодействуют сегодня элементы традиционных и современных обществ. Издание будет полезно и студентам соответствующих специальностей, которые хотя и познакомятся с тем, как востоковеды представляют себе историю — глубинную и актуальную — стран и обществ Востока.

Авторский коллектив и научные редакторы выражают признательность факультету мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ за поддержку исследовательского проекта «Социальное дистанцирование и самоизоляция на Востоке: традиция и современность», одним из результатов которого стала настоящая монография. Авторы также благодарны Н.В. Гордийчуку, А.А. Куделину, В.А. Матросову и А.А. Рогожиной за помощь в подготовке монографии.

А.Н. Карнеев, А.А. Сизова, И.А. Царегородцева

Особенности транслитерации

Сегодня ни в одном языке мира не существует стандартизированных норм передачи слов из языков Востока. Придерживаясь в целом принципа унификации, необходимого для подготовки любой монографии, мы постарались, где это было необходимо, сохранить региональные особенности передачи восточных имен и терминов. В большинстве случаев дается кириллическая транслитерация восточных терминов, во-первых, чтобы не слишком утомлять читателя переключением с одной графики на другую, а во-вторых, в силу того, что некоторые термины уже успели закрепиться в современном русском языке (ван, шейх и пр.). В темах же, касающихся средневековых сюжетов, транслитерация выполнена на основе латиницы, поскольку ученые-медиевисты, работающие с несколькими языками, приняли ее в качестве основы для передачи иностранных терминов.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Е.С. Штейнер

Удаление от скверны: традиционные практики духовного дистанцирования в Японии

Введение

В этой главе пойдет речь о том, как на протяжении веков японцы справлялись с ситуациями, требовавшими того, что традиционно называлось «удаление от скверны»¹. Уход от мира осуществлялся по самым разным причинам и, соответственно, различными способами: кратковременно, длительно или постоянно, посредством затвора в доме или храме, странствий, переживания ситуации, принятия магических или гигиенических мер и др.

Наш краткий обзор будет в целом придерживаться хронологии: от архаики до времен коронавируса. Для каждой эпохи будут выделены наиболее характерные практики изоляции или борьбы с эпидемиями. Всего таких частей будет пять:

1. Древние верования, связанные с синтоизмом и китайской гадательной системой Оммёдо (эпохи Нара — Хэйан).
2. Раннесредневековая практика отшельничества и странничества, связанная с буддизмом (эпоха Камакура).
3. Игровой уход от мира монахов дзэнских монастырей Пяти Гор (эпоха Муромати).

¹ Следует сразу уточнить, что этот красивый русский перевод (В.Н. Марковой в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон [Сэй-Сёнагон, 1975]) в оригинале был более прозаичным, но более полисемичным. Японское слово *ими* — это и траур, и табу, и религиозное очищение, и воздержание. На английский (в тех же «Записках у изголовья») его обычно переводят как *abstinence* [The Pillow Book of Sei Shonagon, 1967].

4. Низовая демонология и коллизии с вакцинацией в раннее Новое время (эпоха Эдо).

5. Оживление традиционных персонажей и защитных практик в наши дни, во время пандемии COVID-19.

Начнем с такой очевидной причины для «удаления от скверны», как эпидемии. Как островной народ, японцы долгое время жили в блаженном неведении о моровых поветриях или массовых контагиозных болезнях, затрагивавших всю популяцию. В середине VI в. к ним явились миссионеры буддизма со священными книгами и статуями, а также другие пришельцы — корейцы, носители китайской культуры, и вместе с духовными и материальными благами они принесли с континента и болезни.

Прежде всего это была оспа. В Корею она была известна уже около двух столетий, с первой половины IV в., а в Китай попала в начале новой эры по Великому шелковому пути с Ближнего и Среднего Востока. В последующие века оспа регулярно свирепствовала на Японских островах. Например, во время вспышки 737 г. вымерло около 30% населения страны (а в густонаселенных центральных районах — около 70%, то есть двое из троих). Боролись с нею разными способами: от молитв и постройки храмов до введения санитарных мер (например, по части личной гигиены) и ограничений (в области контактов с другими людьми). Стоит отметить, что Большой Будда (Дайбуцу) в храме Тодайдзи в Наре был возведен по повелению императора Сёму как раз ради защиты страны после эпидемии оспы в 737 г.

Значительно позже, в XIX в., в Японию пришла холера. Эндемичная для дельты Ганга, она довольно поздно, по сравнению с иными инфекциями, распространилась в мире. В Японии она впервые была зафиксирована в 1822 г., когда проникла из Китая на острова Рюкю, а оттуда на Кюсю. В тот раз холера остановилась в западной Японии, не дойдя до Эдо. В столицу она проникла в 1858 г.: считается, что инфекция «сошла на берег» в Нагасаки с корабля «Миссисипи», который был в эскадре коммодора Перри и оказался заражен во время стоянки в Шанхае². Оттуда холера быстро разошлась с торговы-

² См. подробности: [Johnston, 2019]. Холера не миновала и русских моряков, оказавшихся в том же 1858 году в Нагасаки. Трое матросов — Андрей Бородин,

ми каботажными судами и по тракту Токайдо по всей Японии. По оценкам историков, погибло от 100 до 300 тыс. человек. Знаменитый художник Хиросигэ был одним из них. Еще более суровая, но хуже документированная вспышка болезни произошла в 1862 г.

Экзорцизм и «удаление от скверны» в древности

Вернемся в древние времена и рассмотрим, как японцы пытались бороться с моровыми поветриями.

Для устранения зловредных духов, вызывающих заразные болезни, согласно хронике «Сёку нихонги», со второй половины VIII в. (возможно, и раньше, но сведения об этом отсутствуют) при императорском дворе проводились обряды экзорцизма жрецом *хососи* (кит. *фансянши*). Этот древнекитайский термин менял значение на протяжении эпох; изначально, в книге «Обряды династии Чжоу» («Чжоу ли»), это был Смотритель Четырех Направлений: так назывался чиновник «летней службы» (*ся гуань*), отвечавший за изгнание демонов заразных болезней и прочих зловредных бесов. В «Обрядах» его функции описывались так: «Он покрывался медвежьей шкурой, с четырьмя глазами из желтого металла, облачался в черное платье и темно-красную запашную юбку, воздымал клевец и потрясал щитом. Он выходил впереди сотни слуг и делал очищение в трудные времена, проверял дома, изгонял заразу. Когда бывали знатные похороны, он шел перед гробом к могиле, входил туда первым и тыкал клевцом в четыре угла, дабы изгнать беса-трупоеда»³.

Исидор Пачин и Федор Иванов, а также и квартирмейстер Густав Зиц с фрегата «Аскольд» умерли от холеры в октябре 1858 г. и были похоронены на старом голландском кладбище при храме Госиндзи. См. [Earns, Burke-Gaffney, 1991, p. 147-149]. Поскольку больше там места не осталось, а моряки с «Аскольда» продолжали умирать, к северу от Голландского открыли новое, Русское кладбище.

³ «方相氏：掌蒙熊皮、黃金四目、玄衣朱裳、執戈揚盾，帥百隸而時難，以索室驅疫。大喪，先柩；及墓，入壙，以戈擊四隅，驅方良。」 См. [Чжоу ли周禮, часть «Ся гуань Сыма» 夏官司馬, 102].

Как «бес-трупоед» я перевожу слово *фанлян* (方良). В медицинской энциклопедии XVI в. «Бэньцао ганму» поясняется, что *фанлян* — то же, что и *ванлян*

Эти обряды проводились с конца эпохи Восточная Чжоу и были частью новогодних очистительных торжеств при дворе вплоть до конца династии Тан (то есть до X в.). Неофициально они дошли до нашего времени и даже переживают новый всплеск с 1980-х годов. В Китае они называются *но* (яп. *онияраи*), а в Японии получили название *цуина* — обряд изгнания злых духов и эпидемических болезней в последний день года. В эпоху Хэйан роль *фансянши*, то есть *хососи*, исполнял придворный жрец из Управы гаданий инь и ян, который проводил очистительные ритуалы при завершении календарного года. Как и в Китае, жрец-имперсонатор *хососи* обряжался в черно-красные одеяния, надевал большую маску с четырьмя глазами (вместо медвежьей шкуры с головой), обходил все стороны дворца, стуча копьём о щит, в то время как его свита стреляла из особых, персикового дерева, луков в воздух на все четыре стороны.

В неурочное время — во время похорон императора, например, — *хососи* был ответственен за изгнание демонов — пожирателей мертвой плоти. Как и в древнем Китае, он шел впереди процессии и спускался в могилу, обходя все углы с заклинаниями и угрозами.

В Средние века жречески-экзорцистские истоки фигуры *хососи* забылись; его самого стали отождествлять с демонами болезней. Поэтому где-то с середины эпохи Муромати (XIV–XVI вв.) в новогодних ритуалах *сэцубун* стали изгонять самого *хососи*, кидая в него жареные бобы (подробнее о сэцубуне, который устраивается ныне в начале февраля, речь пойдет дальше). Потом он вообще исчез из ритуалов, а изгонять посредством бобометания стали имперсонаторов злых духов. Впрочем, в последние годы в синтоистском храме Хэйан-дзингу в Киото фигура *хососи* появилась снова. А в храме Ёсида-дзиндзя (тоже в Киото) наряду с обрядами с участием *хососи* сейчас устраивают еще праздник *экидзинсай* с молениями Экидзину, богу заразных болезней, коего просят убраться и прекратить эпидемию. Согласно книге X в. «Внутриведомственные инструкции годов Энги» («Энги-

(魍魎 или 罔兩) — демон, обитающий в гробницах и поедаящий печень и мозг покойников. См. [Li Shizhen, 2021, p. 929].

Современного жреца *хососи*, изгонятеля демонов болезней, проводящего ритуал в святилище Хэйан-дзингу (2010), можно увидеть здесь: <https://www.flickr.com/photos/13882255@N07/39985477141>

сики»), обряд изгнания бога эпидемий происходил дважды в год, в шестом и двенадцатом месяце, на четырех дорогах, окружавших столицу. Эти ритуалы сошли на нет в X в. и выполнялись впоследствии sporadически, хотя пунктиром они проходят и до нашего времени и оживились во время пандемии коронавируса.

Позднее зловредных богов, приносящих заразные болезни, стали называть общим именем *якубё-гами*. Самым злокозненным считался Хосо-ками, персонификация оспы. Ему посвящали множество храмов, как правило маленьких, иногда величиной с собачью будку, и ставили их на окраинах города, как своего рода заставу, или на перекрестках. В XX в. множество таких храмов, мешавших строительству новых домов и расширению дорог, переносили на территории синтоистских храмов.

С другой стороны, помимо зловредных богов, которых надлежало умилостивить, в буддизме существовали божества-защитники. Наиболее известным и универсально почитаемым считался Якуси Будда — будда-целитель. Его обычно изображали с правой рукой, показывающей мудру *сэмуи-ин* (санскр. *абхья-мудра*) — «не бойся», а в левой Якуси держит сосуд с исцеляющими снадобьями.

Согласно представлениям древних японцев, помимо общих заболеваний, затрагивавших жизнь всей общины или социальной группы, существовали и индивидуальные особые дни, когда человек был больше обычного подвержен напастям нечистой силы или неблагоприятному расположению светил. В качестве личной меры использовалось избегание контактов и определенных направлений в пространстве. При этом полагалось ограничивать себя в пище — существовали списки того, что нельзя есть в такие дни (то есть это был еще и своего рода пост). Для подобной практики существовали особые дни, или дни удаления от скверны — *ими-но хи* — синтоистский обычай ритуальных запретов. В эти дни не покидали свой дом, не принимали гостей и писем, не ели «нечистой пищи», чтобы появиться перед богами «чистыми от скверны», не прогневить их и избежать беды (а в куртуазной переписке, занимавшей обычно существенную часть времени, брали тайм-аут). В то же время следует иметь в виду, что японцы — народ, настроенный скорее ритуально, нежели сугубо религиозно. Поэтому в древности, особенно в придворном обществе,

важнейшее значение имело этикетно обоснованное «правильное» поведение. Об этом говорит в своих «Записках» Сэй-Сёнагон (966 — ок. 1017 г.), когда замечает, что если в день воздержания от контактов (*ими-но хи*) к ней неожиданно заглянет приятный ей кавалер, то его можно и принять.

Что следовало выполнять в такие дни? Существовали предупреждающие таблички, заостренные снизу, которые втыкались вокруг дома или перед входом. В высоту они были около 40–50 см и изготовлялись из ивы (рис. 1). Вероятно, выбор дерева не был случайным: в ивовой коре содержатся целебные вещества, применявшиеся в медицине (салициловая кислота, дубильные вещества, флавоноиды). На лицевой стороне такой таблички сверху писали санскритский магический знак *вам* ॐ (яп. *бан*), что означает Будда Бесконечного Света (Дайнити Нёрай). Ниже два иероглифа читаются как «моно ими» и означают «табу», а под ними в правой строчке написаны цифры 9, 9 и 81, а в левой — 8, 9 и 72. По отношению к правой левая расположена «вверх ногами», то есть по принципу бустрофедон. Эти цифры соответствуют древнекитайским числам из геомантических даосских текстов, восходящих к «Книге Перемен», и означают: «9 дворцов, 81 бог» и «8 триграмм, 72 бога». 81 — это две умноженные друг на друга девятки, то есть число полноты ян, а перемноженные 8 и 9 из левой строки образуют число полноты инь.

Кроме того, если сложить правые иероглифы 8 и 1, получится 9, а если сложить левые 7 и 2 — тоже получится 9, что означает те же две девятки, или *тёё* (кит. *чунъян*) 重陽 — Двойной Ян, то есть двойную девятку, праздник Девятого дня Девятого месяца (в 2021 г. это соответствовало 14 октября). Китайская легенда гласит, что в этот день некий Хуань Цзин отправился сражаться с чудовищем, которое приносило эпидемию, и велел согражданам скрыться на это время на близлежащем холме. Все это нашло отражение в японском Празднике хризантем (*Кику-но сэкку*), когда полагалось пить вино, настойное на лепестках хризантем, в качестве очистительного снадобья. Возвращаясь к надписи на ивовой дощечке — осталось сказать, что эти две взаимоперевернутые строчки обозначали еще баланс инь и ян, чет и нечет, низ и верх. Ниже крупными знаками в одну строку написано: «Исполнить немедленно!» (*Кюкю нё рицурё*).

